

Проф. Р. А. Будагов

ПУШКИН-ЛИНГВИСТ

(К постановке вопроса)

О Пушкине-лингвисте до сих пор не существует собственно специальных исследований. Пушкинисты гораздо больше интересовались языком самого Пушкина, чем его лингвистическими суждениями, его лингвистической концепцией. Пушкин — создатель современного русского литературного языка настолько заслонил собой Пушкина-лингвиста, что, казалось, языковеду и нельзя писать о Пушкине иначе. Бесспорно, конечно, что значение практической работы Пушкина над языком огромно, ее трудно переоценить. Но для того чтобы по-настоящему понять значение этой работы, нужно попытаться глубже осмыслить теоретические позиции поэта в области языкознания. До сих пор общелингвистические суждения Пушкина привлекались либо для подкрепления того или иного грамматического или лексического нововведения самого поэта, либо для иллюстрации его отношения к современным ему лингвистическим спорам и «размышлениям». Между тем, насколько нам известно, до сих пор никто не сделал попытки понять основные мысли Пушкина о языке как определенную и, в известной степени, очень последовательную систему теоретических лингвистических взглядов, определившуюся под влиянием общего философского мировоззрения великого писателя.

Представления о целостной языковой системе Пушкина не получались еще и потому, что анализ языка самого поэта обычно проводился «по частям». Исследователи устанавливали отношение поэта к так называемым церковнославянизмам, к народной стихии в языке, к предшествующим литературным источникам и т. д. и т. п. В результате язык самого Пушкина как бы растворялся во всевозможных «стихиях», так что у всякого непредубежденного читателя невольно возникал вопрос: чем же собственно велик Пушкин как создатель современного русского литературного языка? При всем этом чудовищно преувеличивались иноземные воздействия на язык Пушкина.

В данной небольшой статье мы хотим совершенно иначе подойти к лингвистической позиции зрелого Пушкина, попытаться обнаружить в ней не сумму разрозненных, более или менее случайных замечаний поэта по тому или иному языковому вопросу, а систему глубоко связанных между собой положений, которые позволяют говорить о целостной системе взглядов на язык, сложившейся у Пушкина в конце 20-х и начале 30-х годов прошлого века, т. е. в эпоху его зрелого творчества.

Пушкин практик, создатель современного русского литературного языка, был бы невозможен без Пушкина теоретика, глубоко размышляющего над судьбами родного языка.

1

Любовь к передовой России была неотделима для Пушкина от любви к родному языку. «Только революционная голова... — писал он в заметке 1822 г., — может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Всё должно творить в этой России и в этом русском языке».¹ Пушкин прекрасно сознавал, что работа писателя над языком имеет исключительное значение для самого художественного творчества. Вместе с тем, он столь же отчетливо понимал, что работа над языком не является только выработкой каких-то технических «приемов», которые писатель более или менее искусно применяет в том или ином случае. Для Пушкина работа над языком всегда неотделима от работы над мыслью, над идейным замыслом произведения.

В устах Пушкина отождествление любви к передовой России его времени и любви к русскому языку не являлось простой декларацией. Оно лишь подчеркивало значение проблемы языка в национальном самосознании поэта.

«Есть два рода бессмыслицы, — писал Пушкин в 1827 г., — одна происходит от недостатка чувств и мыслей, заменяемого словами; другая — от полноты чувств и мыслей и недостатка слов для их выражения» (т. V, стр. 21). Поэт подчеркивает, что несоответствие между словом и мыслью всегда приводит к бессмыслице, но бессмыслица эта возникает не только тогда, когда при помощи набора пустых слов хотят скрыть бедность мысли, но и тогда, когда писатель не может найти соответствующих слов для передачи мысли. Поэтому вопрос о том, как подыскать соответствующие слова для соответствующей мысли, приобретает тем большее значение, чем меньше писатель довольствуется приблизительным выражением, чем больше он хочет правильно и точно передать свою мысль. Таким образом, хотя мысль и язык глубоко между собою связаны, но они не адекватны, не тождественны. Отсюда — искусство писателя, поиски наиболее совершенных способов выражения мысли. Если писатель хоть на время ослабляет свои упорные поиски в этом направлении, то он перестает быть писателем. Вот почему «прекрасный наш язык, под пером писателей неученых и неискусных, быстро клонится к падению. Слова искажаются. Грамматика колеблется» (т. V, стр. 92).

Пушкин постоянно подчеркивал, что поиски наиболее точных форм выражения мысли проходят в своеобразной борьбе с условностями и трудностями самого языка. В наброске предисловия к «Борису Годунову» в 1827 г. он замечает, что писатель «должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы» (т. V, стр. 282, разрядка наша. — *Р. Б.*). Несколько раньше, в 1825 г., выражая свое восхищение поэтическим слогом Жуковского, Пушкин писал о нем сло-

¹ А. С. Пушкин, т. V, стр. 260. Цитаты из сочинений Пушкина даются по шеститомному собранию его сочинений под редакцией М. А. Цявловского, Academia, 1936 (в дальнейшем указывается том и страница). Письма Пушкина цитируются по изданию: Пушкин, Письма, 1815—1837, изд. «Художественная литература», редакция М. А. Цявловского, Москва, 1938 (в дальнейшем цитируются: «Письма» и страница).

вами Вяземского: «в бореньях с трудностью (имеется в виду язык. — Р. Б.) силач необычайный» («Письма», стр. 115). Таким образом, в период широкого и мощного становления русского литературного языка Пушкин подчеркивал глубокую и вместе с тем противоречивую связь между мыслью и словом: связь эта очевидна, ибо ее нарушение всегда и неизбежно приводит к бессмыслице (см. выше отрывок «есть два рода бессмыслицы»), но в то же время связь эта противоречива, поэтому писателю-художнику надо много и упорно работать, чтобы преодолеть превратности «формы», обнаружить именно ту форму, которая соответствует данной мысли, освободиться от «оков грамматики».

Как известно, Пушкин считал, что философский и научный язык — по его терминологии, метафизический язык — еще не были тогда созданы в России. «Метафизического языка у нас вовсе не существует, — писал он в 1824 г., — просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснились. Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных» (т. V, стр. 262. Ср. т. V, стр. 18). Эта мысль о неразвитости русского философского языка того времени глубоко волновала Пушкина, и он неоднократно призывал своих друзей-писателей развивать «метафизический язык», язык философии и науки («Письма», стр. 38). Поэта не удовлетворял язык философских произведений Радищева (т. V, стр. 177), страдавший некоторой тяжеловесностью и недостаточной отчетливостью, поэтому создание русского «метафизического» языка, который помог бы более адекватно выражать мысль, чем это делалось раньше, представлялось Пушкину исключительно важным делом. Мечты Пушкина о новом метафизическом языке были определены его же убеждением о связи между мыслью и словом, между ходом исторического развития мышления и способами ее выражения в языке. Успехи науки в России, распространение идей передовой декабристской идеологии не могли не требовать и обновления языка, создания подлинно научной и строго отточенной системы выражений. Новые идеи требовали и нового научного языка. Пушкин подходит к этому вопросу строго исторически.

Как же представлял себе поэт этот обновленный язык? Всякий язык — и научный, и поэтический — должен, по убеждению Пушкина, быть прежде всего точным. Уже в 1822 г. вместе с Даламбером поэт смеется над стилем Бюффона, который порою выражал свои мысли так: «Благороднейшее изо всех приобретений человека было сие животное гордое, пылкое...» «Зачем, — замечает Пушкин, — просто не сказать — лошадь?... Что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами. Эти люди никогда не скажут дружба, не прибавляя: сие священное чувство, коего благородный пламень и проч. Должно бы сказать рано поутру, — а они пишут: «едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба». Как это все ново и свежо, разве оно лучше потому только, что длиннее?» (т. V, стр. 259).

Эти мысли Пушкина сыграли исключительную роль во всей последующей истории русского литературного языка XIX и даже XX вв. Дело не только в том, как это обычно толкуют, что Пушкин выступил в этих строках против плохих и шаблонных метафор. Само по себе это осуждение плохих метафор очевидно, но не оно составляло основную цель кри-

тики поэта. Пушкин ставит здесь гораздо более общую и значительную проблему семантики слова и специфики различных речевых жанров. Чтобы понять, в чем тут дело и насколько сложной оказалась сама проблема, укажем, что она не потеряла своего значения и во времена Чехова и даже Маяковского. «Аккомпанемент, диск, гармония, — писал Чехов, — такие слова мешают».¹ Писательнице Авиловой он говорил откровеннее: «Голубушка, ведь такие словечки, как безупречная, на изломе, в лабиринте — ведь это одно оскорбление».² Еще решительнее заявлял об этом Маяковский:

Господа поэты
неужели не наскучили
пажи,
дворцы,
любовь,
сирени куст вам?
Если
такие, как вы
творцы —
мне наплевать на всякое искусство.³

И в других местах: «А попробуй в ямб пойд и запихни какое-нибудь слово, например, млекопитающие», «соловей — можно, форсунка — нельзя». Таким образом проблема, поставленная Пушкиным, была гораздо глубже, чем простая критика шаблонных и вялых метафор. Речь шла о том, чтобы ввести в язык художественного повествования, в том числе и в язык поэзии, простые реалистические слова, выражающие наши повседневные представления, повседневные понятия. Поэтический язык должен отличаться от языка бытового и житейского вовсе не особым царством «избранных слов», а, как увидим ниже, особым умением писателя видеть и отбирать типичное.⁴ Однако предрассудок, будто поэтический язык должен отличаться от языка житейского именно «благородством» и «высоким строем» своей лексики оказался настолько закоренелым, что даже через сто лет Маяковский еще будет бороться с ним при помощи своей чеканной формулы: «соловей — можно, форсунка — нельзя».

Пушкин настойчиво стремился язык прозы сделать языком мысли. «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат» (т. V, стр. 260). А через год, в 1823 г., в письме к Л. Пушкину, он это же требование распространяет и на поэзию, сожалея, что в стихах Дельвига недостаток «единственной вещи — точности языка» («Письма», стр. 47). Хотя Пушкин и различал в этом отношении поэзию и прозу, однако идея «языка мысли» настолько увлекала поэта, что он стремился распространить законы этого языка частично и на поэзию. В той же, уже цитированной статье 1822 г., требуя от прозы «мыслей и мыслей», поэт, хотя и прибавляет: «стихи дело другое», но тут же комментирует: «впрочем в них (стихах) не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не подвинется» (т. V, стр. 260).

Еще более ярко эта же мысль была выражена Пушкиным в 1828 г.

¹ А. Чехов. Письма, т. V, стр. 477.

² Там же, стр. 107.

³ В. Маяковский. Соч., т. I, Гос. изд. худож. лит., М., 1939, стр. 136.

⁴ В. 1834 г. Пушкин видел достоинства языка некоторых философских стихотворений Вольтера в том, что язык этих стихотворений «одною рифмою и метром отличался от прозы» (т. V, стр. 385), а не особым подбором «высоких слов».

в знаменитом отрывке: «Прелесть нагой простоты так еще для нас непонятна, что даже и в прозе мы гоняемся за обветшалыми украшениями, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем» (т. V, стр. 293). А через три года Пушкин заметил: «Определяйте значение слов... и вы избавите свет от половины заблуждений» («Пушкин-критик», 257).

Каковым же требованиям должен был отвечать, по мнению Пушкина, «язык мысли»? Означало ли все это, что поэт предлагал исключить из поэтического языка все эмоциональное? Конечно нет, причем это «нет» вытекало не только из поэтической практики самого Пушкина, но и из его теоретических воззрений. Выступая против трафаретных и шаблонных метафор и рифм, которые механически выражают «механические мысли» как бы за поэта, не давая ему возможности думать («Пламень неминуемо тащит за собою камень. Из-за чувства выглядывает непременно искусство. Кому не надоели любовь и кровь, трудный и чудный, верный и лицемерный, и проч.», т. V, стр. 375), Пушкин, с другой стороны подчеркивает, что русскому народу свойствен «живописный способ выражаться» (т. V, стр. 19). Поэт глубоко убежден, что настоящая образность языка рождается на основе точного слова, на основе слова с четко обрисованными смысловыми контурами.¹ В 1836 г., рецензируя в «Современнике» стихи Виктора Теплякова, Пушкин выписывает такие строки поэта: «тишина гробницы, громкая как дальний шум колесницы; стон, звучащий как плач души; слова, которые святее ропота волн» и замечает: «все это *не точно*, фальшиво, или, просто ничего не значит» (т. V, стр. 124. Курсив наш. — Р. Б.) С другой стороны Пушкин возмущен тем, что критик его «Онегина» восстает против таких *точных* и ясных метонимий и метафор как «стакан шипит, камин дымит, ревнивое подозрение, неверный лед». «Неужели, — замечает Пушкин, — вместо «камин дымит» нужно говорить «пар идет из камина?» (т. V, стр. 324). Неужели обязательно нужно сказать «ребятишки катаются по льду», а не «мальчишек радостный народ коньками звучно режет лед»? Неужели нужно непременно писать «поцелуй младых и свежих уст», а не «младой и свежий поцелуй» (т. V, стр. 291).

Тут мы подходим к основным вопросам пушкинского понимания слова. Постараемся разобраться, что отвергает и что защищает поэт. Пушкин отвергает такую образность, которая никак не углубляет нашего представления о действительности, о понятии, никак не типизирует его. Для чего прибавлять к слову «дружба» «сие священное чувство, коего благородный пламень и проч.?» Это прибавление не способствует ни углублению наших представлений о дружбе, ни выделению каких-то специфических и вместе с тем глубоко характерных для дружбы черт. Именно ввиду неспособности данной образности справиться с каким-нибудь из этих заданий, образность эта оказывается вялой, ненужной, трафаретной. Пушкин отвергает также такую образность, которая ведет нашу мысль по неправильному пути. Почему «тишину гробницы» нужно признавать «громкой как дальний шум колесницы»? Разве это сравнение отражает какую-то сторону реальной действительности? Разве этот образ помогает нам глубже понять то, что изображается поэтом? Пушкин решительно отвечает на этот вопрос отрицательно и называет подобную

¹ Уже Белинский заметил: «Во всех томах произведений Пушкина едва ли можно найти хоть одно сколько-нибудь неточное или изысканное выражение» (Полн. собр. соч. под редакцией С. Венгеров, т. VII, стр. 61).

образность *неточной*, ошибочной. Вместе с тем Пушкин столь же решительно формулирует и свое положительное решение проблемы образности. «Веселые ребятишки катаются по льду» это не совсем то же, что «мальчишек радостный народ коньками звучно режет лед». Первое предложение может встретиться в любом речевом жанре, второе — только в поэтическом. Писатель выбирает типичное, и это типичное он основывает на точном понимании разных значений слова. Лед действительно можно резать, но можно резать не только буквально, но и фигурально (коньками): на основное значение слова как бы наслаивается переносный смысл, формируя образ. Таким образом, как бы ни отклонялся писатель от точнейшего повествования, его отношение к слову должно быть очень точным, фигуральные смыслы должны являться дальнейшим развитием буквальных значений слова и способствовать типизации, выбору характерного, запоминающегося, «броского». В этом отношении можно утверждать, что пушкинское понимание образности не только не противоречит его же тезису о точности всякого поэтического словоупотребления, но и предполагает его. В этом смысле можно также утверждать, что тезис о «точности слова» нисколько не противоречит тезису о «живописности русского языка». Вот почему попытки некоторых недалеких современников Пушкина критиковать стиль поэта за метафорические «вольности» сейчас не могут не вызвать улыбки.¹

Пушкин уже в те времена понимал, что именно мышление является движущей силой языкового развития. «Разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов» (т. V, стр. 158). В 1834 г. Пушкин гневно напал на «писателей, которые пекутся более о механизме языка, наружных формах слова, нежели о мысли — истинной жизни его...» (т. V, стр. 382). Не «наружные формы слова» определяют развитие языка, а мысли, т. е. мышление, которое и составляет главное содержание языка. А мышление меняется, поэтому меняется и язык, являющийся формой выражения этого мышления. Утверждая эти передовые идеи, Пушкин выступает как истинный новатор и в области языковой теории, и в области языковой практики. Поэт смело вводит в литературный язык просторечные слова, ибо ему кажется, что демократизация идейной ориентации писателя не может не вызвать и демократизации его языка.

Как известно, Пушкину пришлось усиленно защищаться от нападок реакционных критиков, которые обвиняли поэта в введении в литературу «грубых» и «мужицких» слов. Одна только строка из «Онегина» — «Людская молвь и конский топ» — вызвала целую полемику, так что Пушкину пришлось сослаться на русскую сказку, где употребляются и «топ» и «молвь» (т. V, стр. 325). Широко известно также, что Пушкин советовал писателям прислушиваться к языку московских просвирен (т. V, стр. 326) и заявлял: «разговорный язык простого народа... достоин также глубочайших исследований» (т. V, стр. 326).

Приводя эти мысли Пушкина, исследователи обычно делают из них лишь общий вывод о большей или меньшей демократичности идейных и языковых позиций поэта. Но вопрос, как нам кажется, не сводится только к этой общей стороне, он находит и свое дальнейшее лингвистическое выражение. Понятие народности у Пушкина, в частности, народ-

¹ Журнал «Атеней», 1828, № 4, стр. 76—89. По поводу этой статьи П. Вяземский писал И. Дмитриеву 24 марта 1828 г.: «Критика Атеней на Пушкина во многом ребячески забавна. Критик не позволяет сказать: бокал кипит, безумное страданье, сиянье розовых снегов. После этого должно отказаться от всякой поэтической вольности в слог...».

ности языка — понятие сложное и противоречивое. Поэт прекрасно понимал, что легче всего *внешне* решить проблему народности: например, выбрать сюжет «из отечественной истории» или «изъясняясь по-русски употреблять русские выражения» (т. V, стр. 270). Но это еще не решение вопроса. Пушкин понимал, что шекспировский Отелло гораздо более народная трагедия, чем озеровский «Дмитрий Донской» (Там же). Народные слова сами по себе еще ничего не решают. И здесь вопрос сводится к более широкому и глубокому пониманию содержания этих слов, к их идейному наполнению, к широкому контексту.

Пушкин вплотную подошел к проблеме социальной дифференциации лексик. Уже в 1830 г. в наброске письма в «Литературную газету» он писал: «В обществе вы локтем задели вашего соседа, вы извиняетесь — очень хорошо. Но, гуляя в толпе под качелями, толкнули лавочника — вы не скажите ему: mille pardons. Вы зовете извозчика — и говорите ему: пошел в Коломну, а не: сделайте одолжение, потрудитесь свезти в Коломну» (т. V, стр. 301). Эту же мысль Пушкин повторяет и в 1836 г. в «Письме к издателю» (т. V, стр. 165). «Вежливые» и «грубые» слова и выражения по мысли поэта бывают очень часто социально окрашены. Поэтому введение в литературу «грубых» и народных слов еще не обязательно свидетельствует о демократичности того писателя, который употребляет эти слова, ибо употреблять их он может с разной целью.

Таким образом проблема народных слов была углублена у Пушкина 30-х годов возникающим у него пониманием классового характера этих слов. Если реальная действительность требовала, чтобы подчас и «герои могли выражаться в трагедиях так, как конюхи. . . , ибо мы чувствуем, что и знатные должны выражать простые понятия, как простые люди» (т. V, стр. 332), то, с другой стороны, писатель вправе использовать эти разные речевые планы — язык дворянина и язык «конюха» — для социальной характеристики своих персонажей: сама жизнь приводила к тому, что дворянин с дворянином говорил совсем не так, как с конюхом или лакеем. Теоретическое равноправие слов не снимало их социальной многоплановости, ибо эта последняя определялась самим характером общественных отношений пушкинской эпохи.

Как уже было замечено, проблема народных слов приводила Пушкина еще и к другим выводам. Сами по себе «народные слова» еще не решают вопроса о подлинной народности автора, их употребляющего,¹ пока не будет раскрыт широкий контекст, в котором бытуют эти слова, и не будет раскрыта их подлинная историческая семантика. На этой основе у Пушкина рождалась идея социальной и лингвистической целостности языка. Нельзя судить о том, хорошо или плохо то или иное новое или народное слово, если оно рассматривается вне целостной системы языка, вне определенного жанра речи. «Истинный вкус, — замечает поэт в 1827 г., — состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» (т. V, стр. 19). А через три года, в 1830 г., критикуя «Марфу Посадницу» Погодина в письме к ее автору и отмечая множество его грамматических промахов, Пушкин замечает: «Но знаете ли? и это беда не беда: Языку

¹ Это прекрасно понимал и Белинский, неоднократно подчеркивавший, что «маленько-мужицким слогом» пользуются обычно реакционные писатели. Ср. Ю. С. Сорокин, Белинский и русский литературный язык, «Известия Акад. Наук СССР», ОЛЯ, 1948, вып. 5, стр. 396.

нашему надобно воли дать более (разумеется, сообразно с духом его). И мне ваша свобода более по сердцу, чем чопорная наша правильность» (Письма, стр. 241).

Хотя письменный литературный язык и должен черпать свои силы из неиссякаемого богатства народного и разговорного языка, однако между ними должно сохраняться и различие: «Может ли письменный язык, — писал Пушкин в 1836 г., — быть совершенно подобным разговорному? Нет, так как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному. . . Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отсекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка» (т. V, стр. 165). Глубокая зависимость литературно-письменного языка от народного и разговорного не только не отрицает, по убеждению Пушкина, различий между ними, но в определенную историческую эпоху даже предполагает их. Письменный язык, заимствуя слова и обороты из народного и разговорного языка, проводит между этими и принятыми словами и оборотами тонкие смысловые различия и тем самым как бы вновь отходит, удаляется от своего источника, а затем вновь и вновь возвращается к этому источнику и черпает из него силы для дальнейшего развития. Зависимость литературно-письменного языка от народного и разговорного не уменьшала и жанрового многообразия русской речи.

2

Остановимся теперь столь же кратко на некоторых более специальных грамматических суждениях Пушкина. Известно, как живо интересовался поэт вопросами русской грамматики. В 1830 г. Пушкин признавался, что он всегда был благодарен критикам за дельные грамматические поправки к его сочинениям и что он «всегда поправлял замеченное место» (т. V, стр. 326). Прекрасно понимая, какое огромное значение для самой мысли имеет форма ее выражения, Пушкин упорно стремился установить наиболее правильное взаимоотношение между ними. Слог всегда должен быть «полон жизни и движения» — таков девиз зрелого художника (т. V, стр. 162). Покажем на двух-трех примерах, как понимал поэт проблему грамматического «движения» языка.

В 1827 г. в заметках на полях стихотворений Батюшкова Пушкин к стихам этого поэта

И гордый ум не победит
Любви, холодными словами. . .

сделал такое краткое, но очень многозначительное замечание: «смысл выходит — холодными словами любви; — запятая не поможет» (т. V, стр. 550). Действительно, прилагательное «холодный» относится у Батюшкова к «словам» («холодные слова»), но привычное для той эпохи и романтической поэзии сочетание «слова любви» оказывается неразрывным и не дает возможности прилагательному «холодный» войти в непосредственное соприкосновение с существительным «словами».

Так возникает неожиданное для самого поэта значение «холодные слова любви», хотя Батюшков говорит лишь о «холодных словах» гордого ума, которым не победить любви и, конечно, «пламенной любви». В действительности же получается представление не о «пламенной любви», а о «холодной любви», — противоположное значение — вследствие неразрывности самого лексического комплекса «слова любви», который и «тянет» за собою прилагательное «холод-

ный». Устойчивое лексическое словосочетание «слова любви», не подчиняясь синтаксическому контексту, образует значение, неожиданное для самого Батюшкова, исходившего в этом случае из формальной синтаксической последовательности слов, и не из глубокого внутреннего взаимодействия лексического и синтаксического факторов предложения. Своей поправкой Пушкин обнаружил не только тонкое ощущение языка, но и понимание законов грамматического и лексического единства элементов предложения. Пушкин показывает, что специальное синтаксическое членение предложения (запятая после слова «любви») не преодолевает устойчивости смыслового комплекса «слова любви» и как бы разбивается, столкнувшись с ним. Семантика словосочетания подчиняет себе форму грамматического построения. Так, разбираясь в сложных отношениях между содержанием и формой предложения, Пушкин не только теоретически декларирует ведущее значение содержания в этом единстве, но и в своих практических лингвистических анализах мастерски показывает это.

Критикуя язык «Юрия Милославского» Загоскина, Пушкин заметил насколько неточно употребляет некоторые русские пословицы автор этого исторического романа. «Из сказки слова не выкинешь». Пушкин поправляет: «из песни» и поясняет: «В песне слова составляют стих, и слова не выкинешь, не испортив склада; сказка — дело другое» (т. V, стр. 37). Поэт не может довольствоваться приблизительным смыслом пословицы. Отдельное слово в сказке может и не вступать в непосредственное взаимодействие с ближайшими словами в той же сказке, оно может быть сравнительно самостоятельным и независимым. Но в песне, вследствие особого стихотворного «склада» ее, слова вступают в настолько тесное взаимодействие друг с другом, что изъятие одного слова подчас портит весь стих. Поэтому именно «из песни слова не выкинешь».¹ Пушкин намечает здесь проблему взаимодействия слов в разных речевых жанрах, намечает контуры той области лексикологии, которая получит впоследствии наименование идиоматики, учения о фразеологических сочетаниях. Поэт анализирует семантическую сторону этих словосочетаний.

Проблема соотношения слова и предложения была тонко поставлена Пушкиным и в его замечаниях об отрицательной частице *не*, глаголе и дополнении. К этому вопросу Пушкин возвращался неоднократно, развил его в 1828 г. в ответе на статью журнала «Атеней» об «Евгении Онегине», а затем уточнил через два года в своих заметках об «Онегине». «Стих мой *Два века ссорить не хочу* — писал Пушкин, — критику показался неправильным. Что гласит грамматика? Что действительный глагол, управляемый отрицательной частицей, требует уже не винительного, а родительного падежа. Например: *я не пишу стихов*. Но в моем стихе глагол *ссорить* управляем не частицей *не*, а глаголом *хочу*. Ergo правило сюда нейдет. Возьмем, например, следующее предложение: *Я не могу вам позволить начать писат... стихи, а уж конечно не стихов*.

¹ Пушкин как бы предостерегал здесь одновременно от дальнейших искажений русских пословиц. Предостережение это оказалось очень кстати, ибо даже такие знатоки русских пословиц, как Даль, не избежали в их толковании промахов и искажений. Так, в Словаре Даля находим: «Красную жену в стенку врезать — не картинка» (под сл. *красный* изд. 1905 г.). Очевидно, следует читать: «не в стенку врезать, потому что не картинка», т. е. и красивая жена должна работать. См. по этому поводу В. И. Чернышев, Разыскания и замечания о некоторых русских выражениях, Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР, вып. I, 1948, стр. 3 и сл.

Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь эту цепь глаголов и отозваться на существительном? Не думаю" (т. V, стр. 325).

Попытаемся раскрыть смысл этой формулировки Пушкина в плане интересующего нас вопроса о соотношении между словом и предложением: отрицательная частица *не*, непосредственно воздействуя на глагол, подчиняет себе затем и последующее дополнение, переводя его в родительный падеж, падеж зависимой субстанции («я не пишу стихов»). Но отрицательная частица *не*, относясь к глаголу, за которым не прямо следует дополнение, а через посредство других грамматических звеньев, оказывается уже не в состоянии воздействовать на это дополнение и не переводит его в родительный падеж — оставляет в винительном («не хочу ссорить два века»). Но в тех случаях, где винительный падеж формально совпадает с именительным (неодушевленные понятия) он представляет существительное как бы в более независимом виде: *два века* само по себе, вне грамматической цепи, — падеж независимой субстанции, тогда как *двух веков* нелегко вне грамматической цепи, ибо это падеж зависимой субстанции. Таким образом, чтобы дополнение «два века» получило бы не только синтаксическое оформление (случай с винительным падежом), но и морфологическое (родит. падеж «двух веков»), отрицательной частице *не* нужно обнаружить большую «электрическую силу» и вместе с глаголом оказать давление на дополнение, переводя его из винительного падежа в родительный. Когда же между отрицательной частицей и глаголом с одной стороны и дополнением — с другой оказываются промежуточные грамматические звенья (случай «не хочу ссорить два века», где «ссорить» разделяет эти два компонента), тогда «электрическая сила» отрицательной частицы оказывается недостаточной, она не достигает дополнения и как бы затухает, не коснувшись его.

Таким образом в этом тонком замечании Пушкина об отрицании *не* и последующем падеже дополнения поставлены важные лингвистические проблемы о зависимой и независимой субстанции в грамматике, о слове и предложении, о морфологическом и синтаксическом выражении грамматического подчинения, о синтаксической перспективе в предложении. Пушкин показывает, что слово, поскольку оно само по себе уже выражает понятие, мысль, идею, стремится и грамматически окантоваться в сравнительно независимой форме. Слово по отношению к предложению это своеобразный «Ванька-встанька»: стоит только грамматическим связям ослабеть, и слово сейчас же вырывается из этих связей, сейчас же переходит в падеж независимой или сравнительно независимой субстанции. Семантика слова, его лексическая самостоятельность, этого требуют. Конечно, винительный падеж — падеж объекта, т. е. зависимой субстанции, но в тех случаях, где винительный падеж формально совпадает с именительным, его грамматическая зависимость оказывается только синтаксической и, следовательно, по нормам флективных языков, уже несколько ослабленной.¹ «Два века» вне предложения это именительный падеж, т. е. падеж независимой субстанции, тогда как «двух веков» вообще оказывается невозможным вне контекста и всегда предполагает грамматическую зависимость. Эта возможность двойного выражения грамматической связи во флективных языках — морфологического и синтаксического — была тонко подмечена Пушки-

¹ Разумеется, в языках другой типологической системы эти нормы могут быть совсем иными.

ным и столь же тонко интерпретирована. В предложении отрицательной частице *не* и связанному с нею глаголу нужно проявлять тем бóльшую «электрическую силу» чтобы воздействовать на объект-дополнение, чем более независимым от отрицательной частицы и глагола оказывается этот объект-дополнение.

Независимо от практического значения этого знаменитого пушкинского правила,¹ оно интересно прежде всего своей теоретической стороной, стремлением поэта разобраться в сложных отношениях между словом и предложением. Самое существенное во всех грамматических рассуждениях Пушкина заключается в том, что поэт всегда видит в грамматических категориях смысловое содержание и рассматривает его в связи с различными способами выражения мысли.

Таковы в самых общих чертах основные принципы лингвистической концепции Пушкина. Мы убеждены, что уже к 1822 г. (статья о Даламбере и точности языка) у Пушкина сложилась последовательная система взглядов на язык, отдельные стороны которой глубоко между собою связаны. Думается, что в основных пушкинских суждениях о соотношении между мыслью и языком, о «метафизическом» языке, о точном слове, о народном языке и классовой окраске слова, о плохих и «истинных» метафорах, о проблеме контекста и учении о «соразмерности» речевых жанров, наконец, в его грамматических анализах, в постановке проблемы взаимодействия между словом и предложением — во всех этих вопросах Пушкин выступал как выдающийся мыслитель, вплотную подошедший к диалектическому пониманию языкового развития и тонко ощущавший ведущую роль содержания в языке. Пушкин показал зависимость различных способов выражения мысли от характера и сущности самой мысли. В этом глубокий смысл пушкинских суждений о языке, в этом их актуальность для нашей современности.² Пушкин замечателен не только как практик языка, создатель современного русского литературного языка, но и как мыслитель, теоретически осознававший значение языка в создании национальной русской культуры.

¹ О том, насколько сам Пушкин практически придерживался этого правила можно судить по следующему: П. В. Анненков в своем издании Пушкина (1855 г., т. V, стр. 531) в примечании к «Дубровскому» писал: «В четвертой главе романа Пушкин написал: отец его был не в состоянии дать ему нужные объяснения». В копии, приготовленной уже для типографии, кто-то исправил это место так: «отец его был не в состоянии дать ему нужных объяснений». Князь Вяземский сделал при этом случае на полях копии следующую заметку: напрасно исправлено: разумеется «дать нужные объяснения», ведь не сказано «не дать нужных объяснений». Отрицательная частица *не* здесь относится к *объяснениям*. . . Пушкин всегда следовал этому правилу».

Сам Пушкин иногда шутил над этим же правилом. Так, в «Египетских ночах» он писал (т. IV, стр. 225): «Несмотря на великие преимущества, коими пользуются стихотворцы (признаться, кроме права ставить винительный падеж вместо родительного после частицы *не* и еще кое-каких так называемых поэтических вольностей, мы никаких особенных преимуществ за русскими стихотворцами не ведаем). . .». В дальнейшей истории русского литературного языка это правило часто нарушалось. См. по этому поводу Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века, том II, 1948, стр. 355—357.

² Многие пушкинские замечания о языке звучат сейчас поистине глубоко актуально. Такова, например, его отповедь по адресу тех, кто привык подсчитывать в русском языке одни только заимствованные слова: «Г. Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством. Какие же новые понятия, требовавшие новых слов, могло принести нам кочующее племя варваров, не имеющих ни словесности, ни торговли, ни законодательства?... Как бы то ни было, едва ли полсотни татарских слов перешло в русский язык» (т. V, стр. 16).

ВЕСТНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ

№ 6

ИЮНЬ 1949

Редакционная коллегия: акад. Л. С. Берг, проф. Л. Л. Васильев, з. д. н. проф. А. В. Венедиктов, проф. Л. Э. Гуревич, доц. А. Г. Дементьев, чл.-корр. АН СССР проф. В. А. Догель, проф. Н. А. Домнин, доц. Г. В. Ефимов, проф. Н. П. Еругин, проф. В. М. Кадачигов, проф. С. В. Калесник, проф. С. И. Ковалев (зам. редактора), акад. И. Ю. Крачковский, проф. С. С. Кузнецов (зам. редактора), проф. В. В. Мавродин (зам. редактора), проф. А. И. Молок, проф. Н. В. Турбин, проф. В. В. Шаронов, проф. С. А. Шукарев.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТА *им. А. А. ЖДАНОВА*
ЛЕНИНГРАД
1 9 4 9